

*Е. В. Иванова,
Е. В. Ревуненкова*

*Elena Ivanova,
Elena Revunenкова*

**А. М. РЕШЕТОВ
(1932–2009)**

**ALEXANDER M. RESHETOV
(1932–2009)**

29 мая 2009 г. оборвалась жизнь Александра Михайловича Решетова.

Два года назад, когда ему исполнилось 75 лет, в честь этого события МАЭ, который в течение полувека был единственным местом его трудовой деятельности после окончания университета, издал книгу «Проблемы общей и региональной этнографии». Она вместила статьи — «юбилейные приношения» — лишь небольшой части тех ученых, для которых научное творчество Александра Михайловича, его неповторимая личность значили очень много, и весть о его кончине была для них горька и неожиданна.

Уже к тому времени А.М. — этот неутомимый путешественник, объездивший нашу необъятную страну вдоль и поперек, испытывавший

The life of Alexander Mikhailovich Reshetov ended on May 29th of 2009.

Two years ago, when he turned 75, the MAE, which had been his only place of labor activities for half a century, that is after he graduated from the university, published in his honor the book entitled “The Problems of General and Regional Ethnography”. It contained articles — “anniversary offerings” — of only a small part of those colleagues, to whom the scientific work of Alexander Mikhailovich and his unique personality mattered a great deal, and for whom the news of his departure was a bitter and unexpected pill to swallow.

By that time Reshetov — this restless pilgrim, who traveled through the length and breadth of our measure-

потребность не только по книгам знакомиться с ее народами, но своими глазами их увидеть и своими ушами услышать, пообщаться с изучающими их этнографами, из-за болезни ног уже давно не выходил из дома, с трудом передвигаясь по узкой «тропинке» среди окружавших его гор книг. Радужный хозяин, он принимал в своей однокомнатной квартире на пр. Мориса Тореза гостей, рвавшихся поздравить его и изъявить ему свои чувства, небольшими группами.

Он жил один, но не был одинок и беспомощен. Двери его дома всегда были распахнуты перед друзьями, учениками, писавшими под его руководством диссертации, перед молодыми и почтенного возраста коллегами, которые интересовались его мнением по различным научным проблемам, нуждались в его совете, ценили феноменальную широту его познаний, его мудрость.

И никогда не умолкал телефон, позволявший Александру Михайловичу в его затворничестве поддерживать постоянную связь с коллегами в МАЭ, с отечественными и зарубежными учеными, с друзьями.

Александр Михайлович родился 1 августа 1932 г. в рабочем поселке Глубокий в 200 км от Ростова-на-Дону¹. Отец его Михаил Иванович

less country, and who had the need not only to be introduced to this or that ethnic group by means of the library, but also to see the people with his own eyes and hear them with his own ears as well as to talk with specialists in the field — had already been unable to go outside. He could hardly shuffle his feet along the narrow “path” weaving among the mountains of books surrounding him. Always the kind host, he received his guests in his one-room apartment on the Maurice Thorez avenue, whether they yearned to congratulate him or express their feelings, in small groups.

He lived on his own, but was never alone and helpless. His doors were always wide open to friends, students writing theses under his guidance, to young and elderly colleagues, who were interested in his opinion for various scientific issues, needed his piece of advice, valued the phenomenal breadth of his knowledge, expertise and wisdom.

His telephone never lapsed into silence, enabling Alexander Mikhailovich, even in his seclusion, to be constantly in touch with his colleagues from the museum, with Russian and foreign scholars and friends.

Alexander Reshetov was born on August 1st of 1932 in the urban village Glubokii, situated 200 km away from Rostov-on-Don¹. His father, Mikhail

¹ Спустя много лет он посвятит своей «малой родине» доклад на Среднеазиатско-Кавказских чтениях. См.: *Решетов А.М.* Поселок Глубокий Ростовской области. Эскизы к историко-этнографической характеристике // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения. 1994–1995 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 1997. С. 112–115.

¹ Many years later he dedicated a special study to his “minor motherland” presented at the Museum Central Asian and Caucasian readings — “Glubokii Village of Rostov Oblast. Sketches of Historical and Ethnographic Descriptions” (Reshetov A.M. Glu-

Решетов водил поезда по Юго-Восточной железной дороге, был удостоен звания почетного железнодорожника СССР, этой же профессией овладели два его старших сына — Иван и Николай, а дочь Валентина служила на этой же дороге. Мать — Матрена Фоминична — растила четверых детей, под ее строгим контролем все члены семьи от мала до велика участвовали в огородных работах и уходе за домашним скотом. Личная вовлеченность Александра Михайловича с детских лет в деревенский труд позволила ему в дальнейшем в бытность этнографом прекрасно разбираться в тонкостях народной материальной культуры.

В старших классах Александр Михайлович увлекался историей дипломатии, много читал, был правой рукой школьного библиотекаря. Первым «проглатывал» все новые поступления. Закончив школу с серебряной медалью, в 1951 г. поехал в Москву поступать в МГИМО, но опоздал — в том году прием закончился раньше обычного, 20 июля. А.М. Решетову пришлось расстаться с мечтой о карьере дипломата и отправиться в Ленинград. Судьба сберегла его для востоковедения и этнографии.

А.М. Решетов поступил на Восточный факультет на отделение истории Китая на кафедру истории стран Дальнего Востока, которой заведовал Г.В. Ефимов. Этому историка наряду с Н.В. Кюннером, И.П. Петрушевским, Л.А. Березным и Е.Я. Люстерник он глубоко читал как своих Учителей.

Ivanovich Reshetov, conducted trains along the Southeastern railway, was awarded with the rank of the Honorable railwayman of the USSR. The same vocation was pursued by two elder sons of him — Ivan and Nikolai; his daughter Valentina also served on the railway. Alexander Mikhailovich's mother Matryona Fominichna, was raising four children. Under strict supervision all members of the family, young and old alike, participated in laboring in the kitchen garden and looking after livestock. Personal involvement of Alexander Mikhailovich in the village labor and life from childhood enabled him to become well-versed in intricacies of folk material culture over the course of his ethnographic studies.

In the senior classes Alexander Mikhailovich was attracted to the history and art of diplomacy, read a lot, and was the school librarian's right-hand man. He was the first one to "absorb" all fresh supplies. Having finished school with honorary degree, in 1951 he left for Moscow in order to enter MGIMO (in Russian standing for Moscow State Institute of International Relations), but he was late — admissions were over earlier than usual that year, July 20th. Thus, Reshetov was forced to kiss his dream of becoming a diplomat goodbye and set out for Leningrad. Fate kept him for oriental studies and ethnography.

bokii Village of Rostov Oblast. Sketches of Historical and Ethnographic Descriptions // Lavrov (Central Asian and Caucasian) Readings. 1994–1995: Brief content of reports. SPb, 1997. P. 112–115).

В 1956 г. по окончании университета А.М. Решетов поступает в аспирантуру Института этнографии, обучение в которой было прервано стажировкой в КНР. А.М. Решетов едет в Китай с мыслью о своем будущем этнографа и на протяжении четырехлетнего пребывания в этой стране знакомится с ее древней культурой, осваивает китайский разговорный язык, пристально всматривается в состояние китайского общества (начиналась культурная революция), пытается глазами этнографа увидеть народную жизнь, интересуется этническим многообразием населения, знакомится с китайской этнографической наукой и ее видными представителями: Линь Яохуа, Чэнь Юнлином, Су Кэцином, Юй Даоцюанем и др. Именно в Китае состоялась счастливая, пожалуй, судьбоносная встреча с Н.Н. Чебоксаровым и К.М. Сергеевым (с Н.М. Дудинской А.М. Решетов уже был знаком). Здесь же завязались дружеские отношения с В.Ф. Гусаровым, Б.Н. Мельниченко, Н.А. Мазуром, Э.С. Стуловой, с московскими китаистами М.Л. Титаренко, М.В. Крюковым, А.А. Москалевым.

В декабре 1960 г. А.М. Решетов возвращается в Ленинградскую часть ИЭ АН СССР (ныне — МАЭ РАН), с которым связана с тех пор вся его дальнейшая жизнь и деятельность. Здесь он прошел путь от младшего до ведущего научного сотрудника, стал автором более 500 научных работ, приобрел широкую известность в научных кругах.

Свою научную деятельность А.М. Решетов начал как этнограф-

Reshetov entered the Oriental Faculty at the Department of the History of China of the chair of the History of the Far East Countries, the chairman of which was Prof G.V. Efimov. It was him, along with N.V. Kühner, I.P. Petrushevskii, L.A. Bereznoi and E.Ya. Liyusternik whom Reshetov honored as his Teachers.

Having graduated from the university in 1956, Reshetov attended the post-graduate school of the Institute of Ethnography, the study in which was interrupted by the practical training in the PRC. He left to China with an idea of becoming specialist in local ethnography and over the course of the following four-year stay there he studied thoroughly the ancient Chinese culture, mastered the spoken language, looked intently into the state of Chinese society (cultural revolution was just getting started), attempted to see the folk life with the eyes of an ethnographer, showed interest for the ethnical diversity of the population, got to know the Chinese ethnographical studies and its prolific representatives Lin Yao-hua, Chen Yong-ling, Su Ke-qing, Yu Dao-quan and many others. It was in China that he was fortunate enough to meet N.N. Cheboksarov and K.M. Sergeev. That meeting perhaps was of a fateful nature (by that time Reshetov had already known N.M. Dudinskaya). It was also in China that true friendship was established with V.F. Gusarov, B.N. Melnichenko, N.A. Mazur, E.S. Stulova, and Moscow sinologists M.L. Titarenko, M.V. Kryukov and A.A. Moskalev.

китаист. Прекрасно владея китайским языком, он являл собой образ настоящего этнографа, соответствующего требованиям, предъявляемым классиками отечественной этнографии к исследователю, собирающемуся изучать какой-либо народ. Для этого было необходимо прежде всего знать язык этого народа. За годы советской власти эта традиция была почти утрачена и по-настоящему не восстановлена до сих пор. Как этнограф-китаист, А.М. Решетов в этом смысле представляет собой редкий пример сохранения непреходящих по своей ценности традиций российской этнографии. Знание языка способствовало его становлению как китаиста в широком понимании: его работы посвящены не только этнографии, этнической истории, вопросам социальной организации, но и проблемам истории и филологии преимущественно малых народов Китая. А если говорить более точно, то для трудов А.М. Решетова в области китайской этнографии характерен комплексный подход, поэтому они в равной мере интересны как для историков, так и для филологов, что не раз подтверждалось реакцией на его выступления на многочисленных восточноведных конференциях и откликами в печати, переводами его работ на китайский язык.

А.М. Решетов внес значительный вклад в написание томов в серии «Народы мира», посвященных Восточной и Юго-Восточной Азии.

Постепенно молодой ученый начинает расширять свое исследовательское поле, включая в сферу на-

In December of 1960 Reshetov returned to the Leningrad branch of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR (now it is known as the MAE RAS), with which his further life and activity was inseparably linked. It was here that he worked his way up from the associate fellow to the leading scientific fellow, authored over 500 scientific works and became well known in the scholarly world.

He started his scientific activities as a Sinologist-ethnographer. Being fluent in the Chinese language, he was the model of what a true ethnographer must be like, meeting the demands by classics of Russian ethnography made to a researcher, who considers to study a particular ethnic group. Over the Soviet years this tradition was almost lost and it had not really been restored up until today. In this respect Reshetov was able to preserve the genuine traditions of Russian ethnography. His philological knowledge of Chinese helped him in becoming a Sinologist in broader terms: his works were devoted not only to ethnography, ethnic history and issues of social organization, but also to the matters of history and philology of chief ethnic minorities of China. Reshetov works in the field are characterized by a comprehensive approach: they are equally interesting for historians as well as for philologists. This was confirmed on more than one occasion by means of the feedback he was given to his presentations at numerous oriental studies conferences as well as by means of responses in the press and translations

учных интересов этнографическое изучение других стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Отдельные сюжеты и проблемы, поставленные на китайском материале, перекликаются в трудах А.М. Решетова со сходными этнографическими сюжетами соседних или находящихся под влиянием китайской культуры стран — Монголии, Тибета, Юго-Восточной Азии.

Уже на раннем этапе своего научного становления А.М. Решетов почувствовал вкус к теоретическим проблемам этнографии (проблемам родства и семейно-брачных отношений, хозяйственно-культурных типов, этноса, этнопсихологии, методам этнографического исследования и др.). Во многом интерес к проблемам общей этнографии у молодого ученого стимулировали активно развивавшиеся в 1960-х годах острые дискуссии и обсуждения по выше-названным проблемам в окружавшей его научной среде, печати, личном общении с выдающимися учеными, стремившимися к творческому развитию науки, называемой в то время советской этнографией. Среди ряда крупных ученых, под воздействием которых А.М. Решетов проходил этнографическую школу, прежде всего следует назвать Николая Николаевича Чебоксарова. Несмотря на то что один жил в Москве, а другой в Ленинграде, они были очень тесно связаны не только научными, но и личными, дружескими узами.

Н.Н. Чебоксаров, исключительно эрудированный, широко образованный ученый-антрополог в запад-

of his works into the Chinese language. Here one has to mention specially that Reshetov made a significant contribution to the fundamental academic series entitled “The Peoples of the World”.

Gradually the young scholar began to broaden his research field, including ethnographic study of other countries of the Far East and Southeastern Asia into his area of scientific interests. In his works problems studied on the base of the Chinese material, have a great deal in common with the close ethnographic subjects of the neighboring countries or those countries that were influenced by the Chinese culture — Mongolia, Tibet, Southeastern Asia.

Quite early Reshetov felt the taste for the theoretical issues of ethnography (kinship, family and marriage relationships, economic and cultural types, ethnos, ethno psychology, methods of ethnographic research, etc.). The interest for the issues of the general ethnography was stimulated by burning debates and discussions, which were actively developing in the 1970s. In those years the problems mentioned above were actively discussed by the scientific community and in press. Among the prominent specialists who influenced greatly Reshetov scholarly development one must mention first of all Nijolai Nikolaevich Cheboksarov. In spite of the fact that one lived in Moscow, whereas the other did in Leningrad, they were closely related not only by means of scientific interests, but also by close personal and friendship relationships.

ном понимании этого слова, во многом пробудил и сформировал исследовательские интересы молодого ученого. А.М. Решетову было при- сущее крайне благодарное и уважи- тельное отношение к старшим коллегам. Многих из них он воспри- нимал как своих учителей. К Чебоксарову Александр Михайлович испы- тывал особенно теплое, трепетное чувство. Он отдал ему дань огромно- го уважения в большой статье², а мы — коллеги и друзья А.М. Реше- това — слышали от него столько рас- сказов о Н.Н. Чебоксарове, что созда- лось впечатление, как будто сами долго с ним общались и очень хорошо знаем этого в высшей степени серьез- ного ученого и в то же время трогат- ельного, смешного человека, в сущ- ности, большого ребенка, человека, пережившего большую трагедию, но умевшего ценить жизнь и наслаж- даться ее лучшими проявлениями. Под руководством Н.Н. Чебоксарова А.М. Решетов написал кандидатскую диссертацию на тему «Буи. Историко- этнографический очерк» и успешно защитил ее в Москве в 1967 г.

В 1970 г. А.М. Решетов создал в Ленчасти Института этнографии группу общей этнографии и в тече- ние нескольких лет руководил ею на общественных началах — до созда- ния в Институте одноименной струк- турной группы. Доклады, сделанные на заседаниях этой группы, состави-

Cheboksarov, an exceptionally erudite ethnologist, in many respects awakened and shaped research interests of the young scholar. It was natural for Reshetov to be extremely grateful and respectful to his older colleagues. He perceived many of them as his teachers. Alexander Mikhailovich felt a special warmth and reverence for Chebok- sarov. He paid all his respect in the special article, tribute to his memory², and as for us — the colleagues and friends of Reshetov — we heard so many his stories about Cheboksarov that it felt as if we know him person- ally. Having experienced an enormous tragedy Cheboksarov and was able to value life and enjoy its best manifesta- tions. Under his guidance Reshetov wrote his PhD thesis entitled “The Buyi. Historical and Ethnographic Es- say” and successfully defended it in Moscow in 1967.

In 1970 Reshetov had formed the Group of general ethnography in the Leningrad branch of the Institute of Ethnography and for several years had been heading it on a voluntary basis. Reports, given at the sessions of this group made up two collections: “Hunt- ers. Collectors. Fishermen” (1972) and “Early Farmers” (1980).

From the late 1970s he shared his interests in between the history of ethnography and its theory. He was particularly fascinated with the his- tory of Russian ethnography as repre-

² Решетов А.М. Николай Николаевич Чебоксаров: Портрет ученого в контексте времени // Выдающиеся отечественные эт- нологи и антропологи XX века. М., 2004. С. 358–396.

² Reshetov A.M. Nikolai Nikolaevich Cheboksarov: The Portrait of the Scholar in the Time Context // Prominent Russian Ethnographers and Anthropologists of the 20th Century. Moscow, 2004. P. 358–396.

ли два сборника: «Охотники. Собиратели. Рыболовы» (1972) и «Ранние земледельцы» (1980).

С конца 1970-х годов внимание исследователя наряду с теорией этнографии начинает привлекать и ее история, прежде всего история российской этнографии в лице конкретных ее представителей. Именно с этого времени можно вести отсчет основанному им направлению, которое он успешно развивал и совершенствовал. За прошедшие годы вышло множество его статей об ученых, внесших огромный вклад в российскую этнографию, но часто забытых, хотя последующие поколения пользуются результатами трудов предшественников, даже не подозревая о масштабе личности последних. А.М. Решетов серией своих статей об этнографах, директорах и работниках Музея антропологии и этнографии (Д.К. Зеленине, Н.В. Кюнере, Л.И. Шренке, В.В. Радлове, Е.Ф. Карском и др.), об ученых-эмигрантах (С.М. Широкогорове, С.Г. Елисееве, В.А. Рязановском и др.) уничтожил многие белые пятна в истории отечественной этнографии, а в ряде случаев восстановил и открыл для нас имена и роль исследователей, которые на долгие годы были вычеркнуты из памяти поколений. А.М. ставил задачу (и умело решал ее) — найти ценные для этнографической науки материалы в творчестве представителей смежных гуманитарных наук. Здесь его работы посвящены, в частности, В.М. Алексееву, Б.Я. Владимирцову, Н.А. Невскому, археологам — С.И. Руденко, М.П. Грязнову

presented by some of its particular players. He published series of articles devoted to the scholars, who had made an enormous contribution to Russian ethnography, but unfortunately have been nearly forgotten: the following generations utilize their works without suspecting the real scale of their personalities. With his series of articles of ethnographers, directors and employees of the Museum of Anthropology and Ethnography (D.K. Zelenin, N.V. Kühner, L.I. Shrenk, V.V. Radlov, E.F. Karskii, etc.), of the emigrated scholars (S.M. Shirokogorov, S.G. Eliseev, V.A. Ryazanskii, etc.) A.M. Reshetov erased many blank spots in the history of Russian ethnography. In a number of cases he restored and revealed the names and roles of the researchers, who for many years had been crossed out from the memories of the generations. Reshetov set and skillfully solved the task to find the material important for ethnography in the works of the representatives of allied sciences. In this connection one can mention his works devoted to V.M. Alexeev, B.Ya. Vladmirtsov, N.A. Nevskii, to archaeologists S.I. Rudenko, M.P. Gryaznov, etc, to N.K. Roerich, St. Innocent (Veniaminov) and many others.

It was Reshetov who was the first to study the heritage and fates of the scholars — victims of the Great Terror. For the sake of justice restoration and scientific truth he was working for years in the special archives, studying the documents and cases of the wrongly convicted scholars (N.M. Matorin, B.A. Kuftin, B.N. Vishenskii, K. Gerd,

и др., Н.К. Рериху, Святителю Иннокентию и многим-многим другим ярким личностям.

Именно А.М. Решетов впервые обратился к исследованию научного творчества ученых, подвергшихся репрессиям. Ради восстановления справедливости и научной истины он годами работал в специальных архивах, изучал документы, дела невинно осужденных ученых (Н.М. Маторина, Б.А. Куфтина, Б.Н. Вишневого, К. Герда, М.Б. Шатилова, Т.А. Крюковой и др.), их труды, освещал их огромную роль в развитии отечественной этнографии. Своим буквально подвижническим трудом в этой области А.М. Решетов заслужил огромную благодарность не только от ученых — своих современников, но и от ныне живущих родственников репрессированных этнографов.

В историографическом аспекте следует рассматривать и многочисленные статьи-некрологи, написанные А.М. Решетовым. Он всегда внимательно следил за работами своих коллег, независимо от их возраста, специализации и титулов, а при утере их откликнулся прочувствованными некрологами, менее всего напоминавшими формальные статьи в этом жанре. В них всегда даются убедительные, исторически важные характеристики. Более того, он отмечал в наших изданиях и юбилейные даты, и уход из жизни и тех уже бывших коллег, которые на нашей памяти уехали из России. Широкий научный кругозор позволял ему оценить роль того или иного ученого

M.B. Shatilov, T.A. Kriukova, and many others), and shedding light onto their enormous role in the development of Russian ethnography. By his selfless work in the field Reshetov deserved gratitude not only from his colleagues, but also from the living relatives of the repressed ethnographers.

One must mention also numerous obituary articles written Reshetov, which are of prime importance from the historiography point of view. He always followed the works of his colleagues irrespective of their age, specialization and titles, and when they passed away he immediately responded with heartfelt obituaries that never reminded formal official records. Besides, he noted anniversaries and final departures of our former colleagues, who emigrated from Russia. His broad scientific horizon made it possible to evaluate the true role of a scholar as well as his contribution to science development as a whole. And the most important was that he always felt obliged to pay last respect to a colleague, to leave the memory of predecessors, their discoveries and achievements for the generations to come, to engrave the features of their character, so to say. In such cases he easily could put aside sometimes urgent work of his own in favor of expressing lofty respect for the memory of the colleague.

Reshetov undoubtedly was the best expert of the history of Russian ethnography and biographies of its representatives. He had written plenty of articles for numerous Russian encyclopedias (“The Soviet Historical En-

в этнографии, вклад в развитие науки. И главное, он всегда чувствовал себя обязанным отдать последний долг коллегам и оставить последующим поколениям память о предшественниках, их открытиях и достижениях, запечатлеть черты их личности. В таких случаях его собственные дела откладывались ради того, чтобы выразить высокое уважение к памяти коллеги и сделать все возможное, чтобы не затерялся его след в науке.

А.М. Решетов являлся в наши дни, несомненно, лучшим в России знатоком истории отечественной этнографии и творческих биографий ее представителей. Он входил в состав авторских коллективов многих российских энциклопедий (Советской исторической энциклопедии, БСЭ, БРЭ, «Народы и религии мира», «Югория», «Северная энциклопедия», «Башкирская энциклопедия», «Воронежская историко-культурная энциклопедия»).

Задумав создание Биобиблиографического словаря российских этнографов и антропологов XX в., он в 2004 г. обратился со страниц «Этнографического обозрения» с призывом содействовать ему в этом начинании и сам многие годы работал над этим масштабным проектом.

К А.М. Решетову постоянно обращались за библиографическими справками со всех концов России, ближнего и дальнего зарубежья. Его труды в этой области были заслуженно оценены и зарубежными этнографами. Так, в монументальном словаре «International Dictionary of Anthropologists» (Gen. ed. Ch. Win-

cyclopedia”, “The Great Soviet Encyclopedia”, “The Great Russian Encyclopedia”, “Peoples and Religions of the World”, “Ugoria”, “Northern Encyclopedia”, “Bashkirian Encyclopedia”, “Voronezh Historical and Cultural Encyclopedia”).

Having started the preparation of the biobibliographical dictionary of Russian ethnographers and anthropologists, he in 2004 addressed his colleagues in the country and abroad from the pages of “Etnograficheskoe Obozrenie” with the proposal to assist him in this endeavor.

Reshetov was constantly addressed for bibliographic references from all over Russia, and abroad. His works in this field were appraised deservedly by foreign colleagues. Hence, the monumental work “International Dictionary of Anthropologists” (Gen. ed. Ch. Winters. N.Y.; L., 1991. 823 p.) thanks to Reshetov boasted many a name of Russian ethnographers. His stories from the history of Russian ethnography told in informal settings and blending lofty scientific character and humor, were forever engraved in the minds of the interested listeners and have remained as a living illustration of the past of Russian science.

Self-forgetfully Reshetov worked with books in the libraries and with the archival material, and was devoted to the museum affairs and its “book-keeping” documentation. He also loved his office silence. At the same time he could not survive without the living element of the field survey, and the constant feeling of the life force flowing in; that was the reason that he

ters. N.Y.; L., 1991. 823 p.) благодаря А.М. Решетову было введено в мировую этнографию много имен российских ученых, статьи о которых им же и были написаны. А его рассказы из истории российской этнографии в неформальной обстановке, сочетавшие высокую научность и юмор, навсегда врезались в память заинтересованных слушателей и остались живой иллюстрацией прошлого отечественной науки.

В богатырской фигуре А.М. Решетова, которой под стать и его мощный интеллект, соединились, казалось бы, несовместимые качества ученого. Он самозабвенно работал с книгами в библиотеках, с материалами архивов, был предан музейному делу и его «бухгалтерской» документации, любил кабинетную тишину. И в то же время он не мог жить и работать без живой стихии полевых исследований, постоянного ощущения жизненного потока и почти ежегодно по несколько месяцев проводил в экспедициях. Не считая многолетнего пребывания в Китае, он бывал в этнографических экспедициях у калмыков, ненцев, селькупов, объездил Приморский край и Сахалин, Монголию, неоднократно — всю Среднюю Азию и Казахстан. Один из авторов данного текста — Е.В. Ревуненкова — ездила вместе с ним в Среднюю Азию изучать уйгуров, таджиков и узбеков и была свидетелем того, как быстро и естественно он вживался в любую среду обитания. Он сразу воспринимался как аксакал, без труда располагал к себе людей, с первых минут завораживал их сво-

spent several months in expeditions almost every year. Not taking into consideration his stay in China for many years, he was the member of ethnographic expeditions to Kalmyks, Nenets and Selkups, traveled all over Primorye, Sakhalin and Mongolia, and on more than one occasion he did all of Central Asia and Kazakhstan. One of the authors of this text — Elena Revunenkovna — traveled with him to Central Asia to study the Uyghur, the Tajik and the Uzbek nationalities. She witnessed how quickly and naturally he got accustomed to any environment. Right off the bat he was taken for an *aksakal* and effortlessly won people's favor, from the very first minutes enchanting them with his stories. With great expression, wit, logic and humor he could speak nearly on any topic and keep up with any conversation, and after a little his listeners would literally opened their hearts to him. As a true ethnographer he lived the life of the people he studied. In the field conditions he remained the unconditional leader just as he did in the museum environment, which, however, was the case no matter where he was. It was of particular interest to see how — in the course of the expedition in spite of the conditions forced upon its participants — thoughts, associations and juxtapositions arose in the mind of Reshetov as he discussed the materials obtained during the day. That, in effect, was the real informal ethnographic school.

Very early Reshetov obtained his own students. He was careful in bringing them up. The gift of mentoring was

ими рассказами. Выразительно, умно, логично, с юмором он мог говорить на любые темы, поддерживать любой разговор. И через короткое время окружающие буквально раскрывали перед ним свои сердца. Как истинный этнограф, он жил жизнью того народа, который изучал. И в полевых условиях оставался тем же безусловным лидером, как и в научной среде, впрочем, как и везде, где бы ни находился. Особенно интересно было наблюдать, как в условиях экспедиции при обсуждении добытых в течение дня материалов в ходе импровизированных бесед у А.М. Решетова тут же рождались мысли, ассоциации, сопоставления из известных ему сведений по истории и теории этнографии, вещей, коллекций. Это была, в сущности, настоящая неформальная этнографическая школа.

У А.М. Решетова очень рано появились и собственные ученики. Он заботливо выращивал их. Ему был присущ особый дар наставничества, умение пробудить интерес к тому, что интересно ему самому, и одновременно он увлекался теми же проблемами, сюжетами, предметами, которые заинтересовали его учеников. Многие ученики А.М. Решетова давно стали кандидатами и докторами наук. Сам он не защитил докторскую диссертацию — было жаль тратить время на связанные с этой процедурой формальности.

Но в науке тоже есть гамбургский счет, и все мы знаем, что по своим многочисленным талантам, которыми природа щедро его одарила, по обширным знаниям в области

intrinsic to his nature — he was capable of awaking one's interest for that, which he was deeply interested in, and at the same time he would get carried away with the issues, topics, subject matters, which were of interest to his students. Many of his students have long become famous scholars as well. He on the other hand never defended his *docteur d'état* thesis — for him the formalities related to the procedure were just wasting of time. The science has its unbiased rating, and all of us know that in accordance with the numerous talents he was generously endowed by nature, his extensive knowledge in the field and theoretical ethnography Reshetov represents the type of a genuine scholar of the highest class, much higher than the regular level of *docteur d'état*. Everybody knows that his opinion was of prime importance to scholars, who formally ranked much higher in official scientific hierarchy.

Reshetov was the man of enormous public activity, who always aspired to be in the center of all events. In the Soviet times people of such constitution by and large joined the ranks of the CPSU in order to carry out their scientific, organizational and administrative abilities. Reshetov was an active member of the CPSU, more than once he was elected for local governing boards of his institution, was the secretary of the local communist party organization. Later, although in a different environment, he never attempted to blot this fact out of his biography, was never repentant about it and never stated that he

конкретной и теоретической этнографии, по высоте творческого полета и широте научного кругозора он представляет тип истинного ученого самого высокого класса, намного выше уровня обычного доктора наук. К нему обращались по самым разным проблемам этнографии, его мнением дорожили ученые, которые формально занимают более высокое положение в науке.

Бурный научный темперамент сочетался у А.М. Решетова с не менее бурным общественным темпераментом. Это был человек огромной социальной активности, всегда стремившийся быть в центре событий. В советское время люди такого склада во многом для реализации своих научных, организаторских и административных способностей вступали в ряды КПСС. А.М. Решетов был активным членом КПСС, не раз избирался в руководящие местные органы этой организации, был секретарем местной партийной организации. Позже, уже в иной обстановке, он никогда не старался скрыть этого факта своей биографии, не калялся, не заявлял о перемене своих взглядов и не стал называть себя демократом, а продолжал спокойно и достойно заниматься своей разнообразной научной деятельностью, как это делал всегда. А занятие репрессированной этнографией, восстановление имен исследователей, загубленных режимом, мы считаем достойной реакцией на преступления этого режима.

Пример А.М. Решетова говорит о том, что и в самых неблагоприятных для развития свободной мысли усло-

changed his views, but rather continued to do his multifaceted scientific work as quietly and honorably as he had always done before. His work on repressed ethnography, restoration of the researchers' names, which were ruined by the Big Terror, we consider being an honorable response to the crimes of this regime.

The Reshetov scholarly fate shows that even in the most unfavorable conditions one can defend his opinion and remain a square shooter. In the 1960s the MAE (back then the Leningrad branch of the Moscow Institute of Ethnography) held really heated discussion concerning the key issues of the social organization. Adherents of the preservation of the "purity" of Marxism (which at that time was considered to be the only true teaching) fronted reformers (they were then referred to as "revisionists"). The latter professed the principle of progress proclaimed by the Marxists themselves, but on the basis of new scientific facts they aspired to look at the issues of the social organization of the primitive society from a new perspective. Reformers were mainly young, whereas their opponents were venerable scholars, who, if one may say so, also possessed the "management reserves". Dr Prof Leonid Potapov, the prominent scholar and the head of the Leningrad branch of the Institute, was the head of "purists" (later on Reshetov had wonderful relationships with him). Young Reshetov, who had not yet defended his PhD, actively plugged himself into the discussion. Thanks to his common

виях можно отстаивать свое мнение и оставаться порядочным человеком. В 1960-х годах в МАЭ (тогда Институте этнографии, который был Ленинградской частью Московского института) проходила очень острая дискуссия по коренным проблемам социальной организации. Дискуссия развернулась между сторонниками сохранения «чистоты» марксизма (считавшегося единственно верным в то время учением) и реформаторами (их тогда называли ревизионистами), которые исповедовали провозглашенный самими марксистами принцип развития, но на основе новых научных фактов стремились по-новому взглянуть на проблемы социальной организации первобытного общества. Реформаторами были в основном молодые ученые, их оппонентами — маститые ученые, обладавшие к тому же, выражаясь современным языком, административным ресурсом (главным из последних был видный ученый и руководитель Ленчасти института доктор исторических наук и заслуженный деятель науки Леонид Павлович Потапов, с которым позднее у Александра Михайловича сложились прекрасные отношения). А.М. Решетов, будучи молодым сотрудником, еще не защитившим кандидатскую диссертацию, активно включился в дискуссию и благодаря логике своей аргументации и совершенно исключительным организаторским способностям смог переломить весьма опасную для многих участников ситуацию и в буквальном смысле слова спасти так называемых ревизионистов от мер администра-

sense and absolutely exceptional organizational abilities he could reverse the situation, which was rather dangerous for many of the young discussion participants. One could say that he saved the so-called “revisionists” from the layoffs. They continued their scholarly career and in many cases later on became the world-level scholars.

Now one can perceive the situation with a dose of irony. From the modern point of view it looks like totally absurd. However, those, who still remember the scientific atmosphere of the 1960s, — which was not the worst one in the history of the Soviet science — understand well all seriousness of perils, which could undermine the scientific career of reformers for the slightest deviation from the letter of “the only correct doctrine”.

Enormous organizational talent of Reshetov particularly appeared during his seven years in the office of the scientific secretary of the Leningrad branch of the Institute of Ethnography and his thirty years as the scientific secretary of its thesis board. It was during those years that many dozens of scholars who had not yet had the chance to obtain their scientific degree, although they had been rather successful, defended their thesis in Leningrad—Saint-Petersburg. They came to the city from many distant corners of the former USSR, and then Russia. Without any exaggeration the majority of the candidates and doctors in the MAE earned their degrees with the help of Reshetov. And the authors of this

тивного воздействия, т.е. увольнения. Они остались работать в науке, успешно развивали ее в дальнейшем, став учеными с мировыми именами.

Современными молодыми учеными эта ситуация может восприниматься с иронией. Она действительно абсурдна, если оценивать ее с современной точки зрения. Но ученые, еще помнящие научную атмосферу 1960-х годов — при этом далеко не худшую в истории науки — хорошо понимают, какая серьезная угроза нависала над научной карьерой, а в конечном счете и жизнью реформаторов за малейшее отступление от буквы доктрины, считавшейся тогда единственно правильной.

Огромный организаторский талант А.М. Решетова особенно активно реализовался в годы, когда он семь лет был ученым секретарем Ленчасти Института этнографии и 30 лет — ученым секретарем диссертационного совета. Именно в эти годы происходили защиты диссертаций многих «засидевшихся» к тому времени без научной степени, но вполне сложившихся ученых на всем пространстве бывшего СССР, а потом России — от восточных до западных, от северных до южных границ. Без преувеличения можно утверждать, что большинство кандидатов и докторов в МАЭ стали таковыми при содействии А.М. Решетова. И авторы этой статьи относятся к их числу.

Многие годы Александр Михайлович был членом Президиума Ассоциации этнографов и антропологов России. Участвовал в работе многих

article are ranked among these scholars.

For many years Alexander Mikhailovich was a member of the Presidium of the Association of Ethnographers and Anthropologists of Russia. He participated in the work of many international congresses; headed the traditional workshop of the science history at six congresses of anthropologists and ethnographers of Russia; was a member of the Editorial board of the “MAE collections” (including the role of the chief editor for many of them) as well as that of “Peter the Great Kunstkamera Messenger” journal. From 1992 he was the member of the Editorial board of “Etnograficheskoe Obozrenie”.

For many years Reshetov was the head of the Department of the Eastern and Southeastern Asia, which constantly changed its name and employees; he was the founder and permanent organizer of the Kühner readings. Even though he stopped visiting the Museum because of his illness, he steadfastly continued expressing interest for everything that was taking place in it. Losing his physical strength, he was still holding on to his strong intellect and spirit. All of those, with whom he had relationships, who were faithful to him and whom he trusted, were still influenced and charmed by his personality.

Reshetov was brought up in the patriarchal family in an urban village and from his very childhood he absorbed solid moral principles, wholesome values and behavioral ethics of the southern Russian province. But in

международных конгрессов. На шести конгрессах антропологов и этнографов России возглавлял секцию по истории науки. Входил в редколлегия сборников МАЭ (был ответственным редактором многих из них), «Курьера Петровской Кунсткамеры». А с 1992 г. был членом редколлегии «Этнографического обозрения».

Много лет А.М. Решетов был руководителем отдела Восточной и Юго-Восточной Азии, менявшего названия и состав сотрудников, был основателем и бессменным организатором Кюнеровских чтений. Перестав из-за болезни появляться в Музее, он продолжал по-прежнему интересоваться всем, что в нем происходит: и движением научной мысли, и музейными делами, и судьбами сотрудников. Теряя физические силы, он сохранял силу интеллекта и духа. Все, кто общался с ним, кто был верен ему и кому он доверял, по-прежнему находились под воздействием и обаянием этой не похожей ни на кого личности.

А.М. Решетов воспитывался в патриархальной семье в рабочем поселке и с детства впитал в себя крепкие моральные устои, нравственные ценности и этику поведения южнорусской провинции. Но в семье он не мог получить того огромного багажа знаний по культуре и искусству, который делал его таким интересным собеседником. В эстетическом смысле он воспитал себя сам. Став студентом Ленинградского университета, он жадно впитывал и усваивал дух и культурные ценности Ленинграда-Петербурга. Искусство

regards to culture and art it was he who brought himself up. Having become a student of the Leningrad University, he greedily absorbed and acquired the spirit and cultural values of Leningrad-Petersburg. Art had become a want, a necessity, just as scholarship had been. For many years he attended either theater or philharmonics almost every night of the week. From the early adolescence he was fond of ballet, having become a true connoisseur of the art; it had literally become part of his life as he knew the history and modern ballet developments just as much as he knew the history of ethnography. For almost 50 years he was a close friend, an insider, as a matter fact, in the home of great dancers of modern times — Natalia Mikhailovna Dudinskaia and Constantin Mikhailovich Sergeev, who greatly valued his opinion on this or that performance and always hearkened to him as a ballet critic. He was sacredly devoted to his dancing friends and after their demise he invested many efforts into immortalizing their memory, became the initiator of enlightening lectures about the art of the prominent Russian dancers in the Russian National Library.

Having worked with Alexander Mikhailovich for many years, having shared with him several expeditions, having observed him in various situations, even though we had not always had smooth and good relationships with him, we consider Reshetov to have been really extraordinary person. Research work and art were both of equal importance for him. He

стало такой же необходимой потребностью его жизни, как и наука. Многие годы он почти каждый вечер бывал либо в театре, либо в филармонии. С ранней юности он был увлечен балетом, стал знатоком этого искусства, буквально жил им и знал историю и современную ситуацию в балете не хуже, чем историю этнографии. Почти 50 лет он был близким другом, собственно говоря, своим человеком в доме великих танцовщиков современности — Натальи Михайловны Дудинской и Константина Михайловича Сергеева, которые очень ценили его мнение о той или иной постановке и всегда прислушивались к нему как балетному критику. Он был свято предан своим друзьям-танцовщикам и после их кончины, много сил и энергии затратил для увековечения их памяти, стал инициатором просветительских лекций об искусстве выдающихся российских танцовщиков в Российской Национальной библиотеке.

Много лет проработав с Александром Михайловичем в нашем учреждении, не раз побывав с ним в экспедициях и в разных поездках, наблюдая за ним в самых разных ситуациях и имея с ним далеко не всегда гладкие и ровные отношения, считаем А.М. Решетова человеком выдающимся. Ему была присуща огромная потребность в научном творчестве и искусстве. Он получал наслаждение от того и другого и в каждой из этих областей достиг уровня высокого профессионализма. С ним всегда было интересно. В любом обществе А.М. Решетов стано-

enjoyed both, and in each of these fields he had reached a great level of professionalism. It was always interesting to be around him. In any setting Reshetov became the center of attraction. He enraptured others with his special perception of the fullness of his existence and his taste for life; he was thirsty for knowledge, music, ballet, and yet he was indifferent to the so-called material values, managing to do with the basics. The only treasures of his uncomplicated domestic life were books, which were continuously pushing their owner out, leaving him with only the tiniest living space, and many plants, which he caringly looked after, and as a way of saying thank-you they bloomed the whole year round. In various situations while discussing urgent research and organizational issues he expressed his opinion in direct and specific terms, and at times even in acutely polemical terms, but he did not beat around the bush and/or say something just to say it, because thus he would live a quieter life. Aspiration for a quieter life was never really his element.

The understanding of the fact, that a person of such scholarly horizon and creativity lives and works among us, that you could dial his phone number and received a reply, granted us a special charge of vital energy, which helped us greatly to continue our research work.

It is sad to realize that we will never again hear the voice of Alexander Mikhailovich and will never be able to visit him. Reshetov belongs to the his-

вился центром притяжения. Он восхищал своим особым ощущением полноты бытия, вкусом к жизни, был жаден к знаниям, музыке, балету, но равнодушен к так называемым материальным благам, обходясь самыми элементарными. Единственным богатством его несложного домашнего быта были книги, которые вытесняли своего хозяина, оставив ему ничтожное жизненное пространство, и множество растений, за которыми он заботливо ухаживал, и они в благодарность цвели круглый год. В разных ситуациях, в обсуждении насущных научно-организационных вопросов он выражал свое мнение прямо, конкретно, порой остро полемично, а не плел невнятную сумятицу и не говорил так, чтобы ничего не сказать, потому что так жить спокойнее. Стремление к спокойной жизни не было его стихией.

Сознание того, что личность такого огромного научного кругозора и творческого диапазона живет и плодотворно трудится среди нас, что, набрав номер его телефона, к нему можно обратиться по многим проблемам этнографии, давало заряд особой жизненной энергии, которая помогала нам достойно и целенаправленно заниматься своим делом в науке.

Грустно сознавать, что мы больше не услышим голоса Александра Михайловича, не сможем навестить его. Своим разносторонним научным творчеством А.М. Решетов принадлежит уже истории отечественной этнографии и, несомненно, является ее гордостью.

tory of Russian ethnography, and there is no doubt about the fact that he is its real pride.